

ДВА ТИПА МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Н.Н. Кротова

«Человек довлеет сам себе, он в творчестве может обходиться без Бога, Который на протяжении всего Средневековья считался причиной и целью земного существования»¹

Феномен перемен в мировоззрении людей, свершающихся в переломные кризисные эпохи, привлек внимание ученых в начале XXI века. Его осмысление побудило исследователей к поиску тех механизмов, которые позволяли бы постепенно трансформировать весь уклад повседневной жизни.

Анализ перемен, происходивших в мировоззрении россиян XVIII–XIX веков, позволяет глубже понять динамику изменений в современной культуре, обнаруживая некое подобие в данных, удаленных по времени процессах. Как в прошлом, так и теперь кризис культуры в значительной мере обусловлен развитием антропоцентричного мировоззрения, что ведет также и к коренному изменению в постановке центральных проблем социальной жизни. В их числе – проблема выхода на первый план в общественной и повседневной жизни России вопросов моды, когда даже интерес к духовной составляющей бытия нередко продиктован желанием следовать модным тенденциям, а также активизацией светской жизни в современный переходный период развития культуры и истории страны. Все эти процессы во многом сходны с происходившими в России на рубеже XVII–XVIII веков, когда в результате перемен в мировоззрении сформировался феномен щегольства, ставший явлением светской культуры XVIII–XIX столетий.

Научное исследование смены двух типов мировоззрения в России через феномен щегольской субкультуры XVIII–XIX веков не проводилось. Вместе с тем фрагментарное изучение этого феномена начали проводить с начала XX столетия, но выводы исследователей строились в основном на материалах сатирических журналов, где не рассматривались причины формирования и развития щегольства и лишь высмеивались его последователи. В большинстве работ изучались только вопросы моды (костюма, причесок, украшений и аксессуаров) и не затрагивались проблемы щегольского быта. Отдельных работ, посвященных щеголям и щеголихам, в течение столетия опубликовано только три (*Покровский В.В. Щеголи в сатирической литературе XVIII века. М., 1903; Покровский В.В. Щеголихи в сатирической литературе XVIII века. М., 1903; Суелина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003*). Ряд вопросов, касающихся данного феномена, рассматривался такими авторами, как М.Н. Громов, В.Я. Гросул, Н.П. Ивановский, Е.Э. Келлер, Р.М. Кирсанова, И.К. Кучмаева, Ю.М. Лотман, М.Н. Мерцалова, В.О. Михневич, А.М. Панчен-

ко, К.А. Писаренко, Н.Л. Пушкарева, М.И. Пыляев, Ю.С. Рябцев, Л.Н. Семенова, Л.А. Черная, Б.Г. Якименко. И все же на основе этого можно сказать, что до сих пор отсутствует блок научных исследований, которые позволили бы составить убедительный образ этого явления.

Период конца XVII – начала XVIII века был для России временем распада древнерусской, «соборной» культуры и становления индивидуалистического сознания. Наиболее очевидным образом это выразилось в обострении восприимчивости к новым европейским влияниям. Появившиеся тогда в России театр, портретная живопись, мемуарная, автобиографическая проза, лирическая поэзия стали явлениями новой, ориентированной на человеческую индивидуальность культуры и питались во многом европейскими влияниями.

В это время происходит переход от Средневековья к Новому времени. При этом переходе период «души» уступает место эпохе «разума», которой присущи причинно-порождающее мышление, перемещение интереса от символизма к естественному развитию, обращение к античности, «новый дух» и «тон жизни», соединение земного и крайне мистического, натуралистическое изображение священных предметов, разделение культуры на придворную, народную и другие.

Формируется человек нового типа – носитель новой культуры, с иной системой ценностей, иными потребностями. Это человек с рационалистическим мировоззрением, в котором «познающий Разум» преобладает над всем остальным; человек «открытый» не только в смысле открытого миру поведения, но и в смысле неустойчивой ценностной ориентации, человек стремящийся ко всему новому и придерживающийся принципа модной новизны как руководящего жизненного принципа; подвижный не в смысле физической динамичности, а в смысле легкости и скорости усвоения нового, изменения старого и перемещения вниз и вверх по социальной лестнице; человек с высоким личностным и авторским самосознанием. Средневековый же человек, живший по канонам православия, мерил свои помышления и труды мерою христианской нравственности, старался избежать суеты, ценил тишину, плавную красоту людей и событий. Всякое его деяние ложилось на чаши небесных весов, поэтому ему был чужд динамизм.

А.М. Сахаров, изучая русскую культуру XVIII века, наметил проблему кризиса средневекового мировоззрения, проследив его в таких явлениях, как церковный раскол, уменьшение влияния Церкви на духовную культуру страны, появление демократической сатиры и др. Ученый подчеркивал, что «светская струя» в русской культуре переходного времени была как никогда сильной.

Исследование А.М. Панченко, посвященное русской культуре «кануна петровских реформ», хотя и содержало в себе не анализ культуры в целом, а лишь отдельных ее сторон, в частности литературы и общественной мысли, все же касалось общекультурного процесса. Одним из важнейших был вывод ученого об изменении представления о взаимосвязи веры и культуры, что повлекло за собой высвобождение личности: «Человек довлеет сам себе, он в творчестве может обходиться без Бога, Который на протяжении всего средневековья

считался причиной и целью земного существования»². Смена вероисповедания, прежде на Руси почти неслыханная, перед петровскими реформами явление не редкое. Известны переходы в католицизм, магометанство и протестантизм (Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др.). Этот пример красноречив: вера подчиняется знанию.

М.М. Щербатов в своей книге выделил время петровских реформ в качестве границы, разделяющей «древнюю» и «новую» Россию, и сосредоточил внимание на «повреждении нравов» русского общества, ушедшего от «простоты» отношений между «государем-отцом» и «подданными-детьми», от согласия всех слоев общества на основе православия, и утверждал, что «малое просвещение ведет токмо в вящие заблуждения и к духу неподданства»³.

Надо отметить, что эпоха петровских реформ обусловила перелом в культурно-историческом сознании – не в меньшей степени чем в государственном устройстве или экономике. Целью петровских преобразований было не только создание новой армии и флота, государственного управления и промышленности, но и создание новой культуры – культурная реформа занимает в деятельности Петра не меньшее место, чем реформы прагматического характера. Перемена платья, бритье бород, переименование государственных должностей, заведение ассамблей, постоянное устройство разного рода публичных зрелищ были не случайными атрибутами эпохи преобразований, а существеннейшим элементом государственной политики, призванным перевоспитать общество и внушить ему новую концепцию государственной власти. Петровская «пропаганда» полностью отказалась от древнерусских представлений о праведном и неправедном властителе, противопоставляя им идею всевластного монарха, который является источником закона. Эта концепция, восходящая к законодательству Юстиниана, переживает в политике Петра особую трансформацию, поскольку император оказался не только верховной инстанцией в регламентации собственно юридических отношений, но и установителем любой нормы и любого порядка вообще – в том числе норм духовно-нравственных и культурно-поведенческих.

Основным положением, внедренным Петром в сознание определенных слоев общества и укрепившимся там на многие десятилетия, является вера в коренное противостояние между старой и новой Россией, в отсутствие между ними практически всякой преемственности. Петровское царствование воспринимается целым рядом исследователей как подлинная культурная граница, а жизнь допетровской Руси – как этнически чуждый быт, противостоящий позднему «европейскому» и порождающий такое же чувство отстранения, как и быт «непросвещенных туземцев».

В петровское время переводные и отечественные произведения постоянно доказывали «пользу» новизны, ее необходимость для общего блага и славы России. В переводном «Слове о дивных свойствах души человеческия» Каспара Барлеа, к примеру, разъяснялось, что тяга к новому – в природе человека, она побуждает искать «дальних народов обычаи и одежды», слушать о «делех пре-

жде неслышанных» и при этом попирать ногами то, что «зрению нашему часто представляется»⁴.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский подчеркивали, что оппозиция «старое-новое» тяготела к оппозиции «свое-чужое», так как новизна ассоциировалась со всем тем, что было ранее запретно, в особенности с заграничным, считавшимся «поганым» и отвергавшимся православным сознанием полностью⁵. Поиски нового были обращены в сторону чужих и чуждых культур. В своей среде новое и не пытались искать, уверовав в непреодолимую тягу русских к «старине», в исконную традиционность своей культуры.

Поскольку новизна при Петре Великом стала чем-то вроде залога спасения России, придворная культура ориентировалась исключительно на западные новшества, отказываясь от своей «старинности» в любых ее проявлениях, начиная с одежды и кончая языком. Анафеме предаются и событийная культура Руси, и обиходная, вся национальная топка и аксиоматика, вся сумма идей, в соответствии с которой живет страна, будучи уверенная в их незыблемости и непреходящей ценности. Начался бум «чужелюбия», поставленный под сомнение лишь во второй половине XVIII века.

В периоды стабильности система культурных ориентиров и ценностей ограждает и защищает человека, придавая ему чувство уверенности и стабильности. Люди знают ответы на все важнейшие вопросы бытия, прежде всего на вопросы: «Что такое человек и в чем смысл его жизни?».

Четко маркированные границы человеческого поведения во всех возможных ситуациях создают психологический комфорт человека. Когда же начинается ломка привычной системы ценностей, вызываемая переходом культуры от одной фазы своего развития к другой, то границы эти разрушаются и человек оказывается перед открытыми вопросами, на которые надо заново искать ответы. Перед ним встает проблема выбора ориентиров в открытом культурном пространстве. Формирование новой системы ценностей идет путем проб и ошибок.

При Петре I, следуя принципу новизны, создается и новый тип города для открытого образа жизни, с ассамблеями, карнавалами, триумфальными шествиями, фейерверками и т. п. Тот факт, что подобный образ жизни не совпадал с потребностью в нем горожан, был чужд большинству русских, кажется, не особенно смущал преобразователя, заставлявшего едва ли не силой боярство и дворянство принимать в своих домах бесконечную череду гостей. Петр вводил ассамблеи именными указами, и это указное веселье на первых порах давало весьма сомнительные результаты. Однако, как показывают исследования и воспоминания современников, новые формы быта постепенно проникали в верхние слои русского общества. Игровой элемент, проступающий в новом образе жизни (празднования Нового года, маскарады, театральные представления, карнавальные шествия и пр.), способствовал усвоению обществом и античной мифологии, и европейской беллетристики, в особенности любовно-авантюрного романа, и балетного искусства, и многого другого, что входило в арсенал «открытого» общества.

«Открытый» дом потребовал изменения положения и функции хозяина и хозяйки. Если при приеме гостей в средневековой России хозяйка появлялась перед гостями-мужчинами лишь на мгновение, поднося каждому чарку вина, то теперь она оказалась в центре внимания. Функции хозяйки значительно расширились и видоизменились: она должна была постоянно присутствовать во время ассамблей, вести разговоры с гостями, танцевать, принимать комплименты от кавалеров и т. п. Русские женщины довольно быстро освоились с новой ролью, что видно из свидетельств иностранцев и соотечественников.

Также необходимо сказать о двух слоях духовной культуры – событийном, неразделимо связанном с новизной, и обиходом, который составляет фундамент слоя событийного. Обиход слагается из «прописей», из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации. Естественно, что обиходный слой весьма консервативен; он меняется гораздо медленнее, чем событийный. Обиход трудно анализировать, потому что это обиход, который сам себе довлеет и сам собою разумеется. В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители обихода его как бы не замечают (в отличие от сторонних, воспитанных в иной среде наблюдателей). Но в эпохи скачков быт превращается в событие. И старые, и новые аксиомы становятся предметом обсуждения, предметом отрицания или апологии: на переломе культура всегда испытывает потребность в самопознании и занимается им⁶.

Нужно еще раз отметить, что процессы, происходившие во второй половине XVII века в России, приводят на рубеже XVII–XVIII веков к смене мировоззренческих ориентиров. Мировоззрение Древней Руси, основанное на духовности и внимании в основном к внутреннему миру человека, постепенно замещается миропониманием, во многом заимствованным из Европы, где главное внимание уделяется ценностям светской, мирской культуры, внешнему облику людей. В результате этого формируется новое для России культурное явление – субкультура щегольства, ставшая феноменом русской культуры XVIII–XIX веков. Если в Древней Руси очень мало уделяли внимания моде, то с XVIII века следование моде во всем (в костюме, украшениях, косметике, аксессуарах, развлечениях, воспитании, занятиях и т. д.) – это стиль жизни.

Элементы духовной культуры, доминировавшей в Древней Руси, сохранялись и в культуре XVIII–XIX веков, носившей преимущественно светский характер. Ценности христианского мировоззрения чаще всего присутствовали в жизни щеголей в скрытой форме, определяли их внутреннюю жизнь, а внешне они полностью исполняли требования моды, следовавшей принципу новизны, и придерживались образа жизни, характерного для светского общества и России, и Европы.

Сатирические журналы, художественная литература и ряд исследователей изображают щеголей и щеголих интересующимися только своим внешним видом, слепо следующими капризам моды, наложившей свои «путы» не только на одежду, манеры, но и на образ жизни, а также думающими исключительно о

своих удовольствиях и развлечениях, ездящими с визита на визит, оттуда на званый обед, потом на скачки или на бал. Получается, что щеголи находились как бы в стороне от духовной жизни – не интересовались наукой, книгами, не обращались к искусству, что им был чужд интерес к вопросам общественного характера государственных интересов (внешней и внутренней политике, военным проблемам и государственному престижу). Но такое утрированное изображение щеголя не подтверждается историческими фактами.

Конечно, женщина XVIII века не выбирала какую-нибудь науку или искусство сферой своей постоянной деятельности для удовлетворения духовной потребности, но несомненно, что многие из них занимались этим как дилетантки. С момента выезда девушки в свет ее обучение прекращалось, она сразу же погружалась в светские развлечения, принимала на себя светские обязанности. Ведь ее воспринимали как украшение дома, салона, театральной ложи, концерта, бала.

Нельзя отрицать и того, что в то время было достаточно женщин из высшего круга, которые получали удовольствие, занимаясь литературной деятельностью и способствуя процветанию науки (например, Екатерина II, Е.Р. Дашкова, Е.А. Княжнина (урожденная Сумарокова), кн. Н.Б. Долгорукова, М.В. Зубова, Е.П. Урусова, З.А. Волконская, Е.П. Ростопчина, А.О. Смирнова-Россет и многие другие). Иногда писательницы составляли литературные кружки, а в некоторых журналах участвовало множество женщин.

Надо отметить, что, к какому бы известному мужскому имени XVIII–XIX столетий мы ни обратились, оказывается, что его носитель оставил свой след в русской культуре не потому, что имел репутацию щеголя, но как коллекционер, меценат, талантливый государственный деятель, дипломат или военный, служивший своей Родине.

Обратимся, например, к образу светлейшего князя, всесильного фаворита Екатерины II, знаменитого чудака и щеголя, Григория Александровича Потемкина-Таврического. Он оставил след в истории России как коллекционер и меценат, а главное – присоединил к России Крым, создал Черноморский флот, освоил земли Тавриды и заселил их переселенцами без притеснения коренных жителей, построил там города (которые мы теперь потеряли), открыл мануфактуры и в Крыму, и в других областях страны, чтобы не ввозить товары из-за границы (например, парусину, шелк и т.д.), способствовал присоединению Грузии, проводил реформы, в том числе и облегчавшие бытовую жизнь солдат (например, относительно униформы, пищи и разрешения не носить париков и многие другие). Он оставил нам интереснейшую переписку с Екатериной Великой, затрагивающую вопросы и личные, и государственные, а также был великим дипломатом, заставившим все страны считаться с интересами России, и великим мечтателем, желавшим изгнать турок-мусульман с земель бывшей Византии и вернуть символ православия – крест – на купол храма св. Софии в Константинополе.

Необходимо учесть, что сгущены краски в изображении щеголихи как плохой хозяйки, которая стыдилась иметь представление о домоводстве, неверной жены и плохой матери. Мемуары и записки современников представляют

много примеров, показывающих, что были молодые девушки, которые серьезно смотрели на брак и, выйдя замуж, были замечательными женами и матерями (например, Н.Б. Долгорукова (урожденная Шереметева) и многие из жен декабристов, бросившие все и отправившиеся за мужьями в Сибирь.

Принято считать и щеголей плохими хозяевами, но при этом забывают, что у многих «вертопрахов» были обширные имения и они сами занимались ими, входя в мельчайшие детали по их управлению (например, графы Шереметевы). Пример Николая Петровича Шереметева, женившегося на своей крепостной – актрисе Прасковье Ивановне Жемчуговой – и имевшего от нее сына-наследника, опровергает и мнение о том, что щеголи женились только с целью материальной выгоды, а искренние чувства им были недоступны.

Еще надо принять во внимание, что щеголи и щеголихи, принадлежа к высшей знати, должны были принимать участие в светских развлечениях и собраниях, в общественной жизни государства, тем самым выполняя свою социальную роль. Кроме того, для подтверждения своего социального статуса они обязаны были следовать моде (и в костюме, и в предметах роскоши и быта) и общепринятым нормам поведения. В противном случае их ждало неминуемое осуждение со стороны общества.

В итоге можно констатировать, что феномен щегольства – это результат доминирования в светской культуре ценностей нового, обмирщенного мировоззрения, а также следствие полученного щеголями воспитания и того социального статуса и той социальной роли, которую выполняла знать XVIII–XIX столетий.

Вместе с тем развитие данного субкультурного феномена не в силах приостановить утверждение в жизни ценностей христианского мировоззрения через творческие духовные усилия подвижников благочестия, что особенно важно иметь в виду сегодня в ходе решения главных духовных проблем современности.

¹ Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 66.

² Там же.

³ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Сочинения. Т. 2. СПб., 1898. С. 133–134.

⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 767. Л. 4 об.

⁵ Лотман Ю.М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 414. Тарту., 1977. С. 7–8.

⁶ Панченко А.М. Указ. соч.